

Пяткин Сергей Николаевич

СТАНСЫ КАК ДИАЛОГ С ВЛАСТЬЮ: ПУШКИН, ЕСЕНИН, МАНДЕЛЬШТАМ

В статье аналитически прослеживается судьба пушкинских "Стансов" ("В надежде славы и добра...", 1826 г.) в творческой практике поэтов XX века - С. А. Есенина и О. Э. Мандельштама. Основное внимание автор акцентирует на специфике идейно-художественной связи новейших произведений с текстом поэта-предшественника, репрезентируя лирический жанр стансов как форму поэтического диалога, объединяющую художников слова и идеологов действующей власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

CONSTRUCTION WITH AN EXTENDED PARATACTIC COMPLEX AND SEVERAL HYPOTACTIC COMPLEXES IN THE ENGLISH POETICAL TEXTS

Parnikova Tat'yana Valer'evna, Ph. D. in Philology
Belgorod State Agricultural Academy named after V. Gorin
t-parnikova@mail.ru

The article reveals the syntactic potential of the least frequent model of a polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis in the poetical works of the modern English language, in particular, constructions with an extended paratactic complex and several hypotactic complexes. This model is included into the register of models non-typical for using in poetical texts. Complicating the sentences horizontally (paratactic complex) or vertically (hypotactic complex) reduces the frequency of their usage.

Key words and phrases: polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis; extended complex; minimal complex; homogeneous collateral subordination; inhomogeneous collateral subordination; sequential subordination; copulative connection; adverbial connection.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье аналитически прослеживается судьба пушкинских «Стансов» («В надежде славы и добра...», 1826 г.) в творческой практике поэтов XX века – С. А. Есенина и О. Э. Мандельштама. Основное внимание автор акцентирует на специфике идейно-художественной связи новейших произведений с текстом поэта-предшественника, репрезентируя лирический жанр стансов как форму поэтического диалога, объединяющую художников слова и идеологов действующей власти.

Ключевые слова и фразы: стансы; поэтический диалог; интерпретация; историческая реальность; идеология.

Пяткин Сергей Николаевич, д. филол. н., доцент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
nikolas_pyat@mail.ru

СТАНСЫ КАК ДИАЛОГ С ВЛАСТЬЮ: ПУШКИН, ЕСЕНИН, МАНДЕЛЬШТАМ[©]

В «Записках на манжетах» М. А. Булгакова (1920-1923 гг.) [3] есть один любопытный эпизод, отчетливо характеризующий отношение литературных миссионеров послереволюционной формации к Пушкину. Учитывая автобиографический характер «Записок», следует предварить интересующий нас фрагмент не менее любопытными прототипическими деталями. Будучи во Владикавказе (июнь 1920 г.), Булгаков получил оригинальное приглашение: «Цех пролетарских поэтов и литераторов приглашает вас записаться оппонентом на прение о творчестве Пушкина, имеющее быть в программе 4 вечера поэтов. Несогласие ваше цехом поэтов будет сочтено за отсутствие гражданского мужества, о чем будет объявлено на вечере». По свидетельству Ю. Слезкина, «вечер состоялся и Пушкина ~~разнесли~~ в пух и прах». Молодой беллетрист М. Булгаков — мел гражданского мужество» выступить оппонентом, но зато на другой день в —Кммунисте» его обвинили чуть ли не в контрреволюционности» [3, с. 604].

Из «Записок на манжетах» мы узнаем примечательные подробности этого «прения». И в частности, то, что главный критик «Пушкина... обработал на славу. За белые штаны, за —веред гляжу я без боязни», за камер-юнкерство и холопскую стихию, вообще за —сеудореволюционность и ханжество», за неприличные стихи и ухаживание за женщинами...» [Там же, с. 480].

Здесь невольно бросается в глаза то, что основным, а по сути, и единственно конкретным доводом к обвинениям, предъявляемым Пушкину как поэту, является авторство «Стансов» 1826 года («В надежде славы и добра...»). «Стансы» расцениваются в качестве едва ли не самого главного произведения поэта, позволяющего делать окончательный и исчерпывающий вывод о, мягко говоря, сочувственном отношении Пушкина к самодержавию, что, естественно, исключает возможность считать Пушкина «своим» с точки зрения новоиспеченных культурных идеологов победившего класса. И хотя подобного рода позиция по отношению к Пушкину (впрочем, не только к нему), была явлением временным, все же впоследствии на протяжении более полутора десятков лет «Стансы» оказывались козырной картой в жестких и безапелляционных утверждениях о «сервизме» поэта [2; 10; 13; 18].

Об этом, как одной из заметных тенденций советского пушкиноведения середины 30-х годов, критически высказывается Д. П. Якубович в своей полемической статье «Еще о дневнике Пушкина (Ответ Б. В. Казанскому)», опубликованной в первом выпуске «Временника пушкинской комиссии» (1936). И опять же в центре внимания оказываются «неудобные» в известном смысле «Стансы» Пушкина наряду, кстати, с такими произведениями,

как «Арион», «Послание в Сибирь», «Записка о народном воспитании». Д. П. Якубович, категорически не принимая «идеи приспособленчества», будто бы воплощенной в этих произведениях, убеждает, что они «по-разному полны шифрованных образов, недомолвок, намеков. <...> Игра возможностью переосмысления материала, игра намеками и «применениями» политического свойства излюблена Пушкиным» [19, с. 290].

Нельзя однозначно сказать, что осмысление «Стансов» в дальнейшем шло по пути, предложенным Якубовичем, вместе с тем, нужно признать, что сама идея пушкинского «сервилизма» в пушкиноведении позднее была полностью снята [4; 14].

В свете заявленной нами темы предложенная ретроспектива, где акцентированы наиболее характерные оценки в восприятии пушкинских «Стансов», хронологически соотносящиеся со временем создания своих «Стансов» С. Есениным 1924 г. (1) [7, с. 134-137] и О. Мандельштамом «Я не хочу среди юношей тепличных...» 1935 г. (2) [12, с. 217-218]; «Необходимо сердцу биться...» 1937 г. (3) [Там же, с. 316-318], видится нам весьма существенной как для уяснения некоторых аспектов идейно-художественного содержания новейших произведений, так и осмысления примечательных явлений в мировоззрении их авторов на момент написания этих произведений.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что «Стансы» Пушкина в любой исследовательской интерпретации сохраняют имманентно присущую ей идейно-содержательную основу, которую можно выразить следующим образом: декларация «Я» поэта своего отношения к существующей власти. При этом заглавием у Пушкина выступает название стихотворной формы, которую едва ли стоит считать продуктивной для русской классической поэзии. Напомним, что для «стансов» как стихотворной формы характерно «требование композиционной независимости строф», которое «выражается в запрещении смысловых переносов одной строфы в другую (строфического *enjambment*)» и в обязательности самостоятельных рифм, не повторяющихся в других строфах» [11, стб. 9]. В русской поэзии XVIII-XIX вв. стансовая строфа состоит из 4 стихов четырехстопного ямба с перекрестными (преимущественно) рифмами [6, стб. 864-866; 8, с. 282].

«Стансы» Есенина и Мандельштама лишь с очень большой натяжкой можно считать отвечающими требованиям означенной стихотворной формы. И сам факт выбора подобного заглавия в данном случае, для стихотворений с явным политическим содержанием, служит вполне очевидным знаком осознанного творческого диалога новейших поэтов с великим предшественником, «Стансы» которого воспринимаются и Есениным и Мандельштамом, что не менее очевидно, как определенная содержательная целостность, рожденная идеей органического превращения конформизма мысли гражданина в подлинное поэтическое чувство. В этой связи симптоматично признание О. Мандельштама о том, что ««стансы» всегда примирительно настроены» [12, с. 545].

Как всем хорошо известно, большая часть текста пушкинских «Стансов» посвящена высокой оценке деятельности личности и творчества Петра Первого (3 строфы из 5), которая становится для поэта твердым и естественным основанием к наставлению новому монарху: «Во всем будь пращурю подобен».

Структура и лирический сюжет пушкинского произведения, можно сказать, с точностью наоборот отражаются в «Стансах» Есенина и Мандельштама. Та действительность, в которой живут эти поэты, не имеет, по крайней мере, для них позитивного исторического прецедента, не содержит в себе органической, родственной взаимосвязи с какой-либо – опять же позитивно оцениваемой – политической формацией государственной власти в России. А потому и у Есенина, и у Мандельштама на первый план входит и занимает центральное место художественная актуализация характерных примет новой реальности, проецируемой на собственную судьбу. Такая содержательная особенность «Стансов», на наш взгляд, подспудно выявляет направление авторской мысли к внутреннему признанию возможности / невозможности существования пушкинского утверждения «*Гляжу вперед я без боязни*» в современности.

Данная строка – залог поэтической искренности, убедительной достоверности всего сказанного в «Стансах» Пушкина. Думается, что на уровне творческих интуиций и Есенин и Мандельштам глубоко осознавали это. Пушкинское утверждение, фактически не обнаруживая своего прямого присутствия в текстах новейших «Стансов», существует здесь в плане сходных по своей интенции субъектных решений:

Хочу я быть певцом и гражданином... (1)

Я должен жить, дыша и большевее... (2)

Необходимо сердцу биться.

Входит в поля, вращать в леса... (3)

Однако модальность этих ударных в текстах строк, вкупе с их семантикой – особенно на фоне пушкинского высказывания, – пожалуй, непосредственно выражает процесс осмысленно инициированной ломки авторского сознания на пути к взгляду «вперед» «без боязни». И в орбиту этой ломки втягиваются прошлое и будущее поэтов XX века, где символические реалии и культовые имена настоящего времени, имеющие прямые субъектные оценки, выдают желание авторов «Стансов» полноценно утвердиться в пространстве новой исторической реальности.

Я вижу все и ясно понимаю,

Что эра новая – не фунт изюму вам,

Что имя Ленина шумит, как ветр, по краю... (1)

Люблю шинель красноармейской складки... (2)

*Дорога к Сталину – не сказка,
Но только жизнь без укоризн... (3).*

В свете сказанного важно отметить, что художественно осваиваемая в этих «Стансах» реальность начинает существовать и у Есенина и существует у Мандельштама в качестве такой объективной данности, жесткие законы развития которой столь же жестко диктуют свои условия жизнедеятельности человеку. Поэтому неудивительно, что лирический герой Есенина сам является объектом для наставлений со стороны реального государственного деятеля Советской России – Чагина. И это наставление, творчески воспринятое есенинским героем, становится в «Стансах» осмысленной программой «существа поэта» в обновленном мире: *«Я полон дум об индустриальной мощи, // Я слышу голос человеческих сил. // Довольно с нас // Небесных всех светил, // Нам на земле // Устроить это проще» (1).*

Декларация такой программы Есениным, обусловленная его страстным желанием «быть певцом и гражданином» «в великих штатах СССР», эксплицирует, что очевидно, понимание (точнее, *желание* понимания) поэтом событий окружающей действительности и своего места в этих событиях в *русле официальной государственной политики*. Есенин не может не видеть, сколь органично в пушкинском житнетворчестве единство позиций поэта и гражданина, величаво и свободно высказанное в «Стансах». Стремление к такому единству, дающему возможность не затеряться в круговерти стихий своего времени и исполнить свое высокое предназначение, не растеряв «прозрений дивных свет», и вынуждает Есенина искать идеологический компромисс с большевистской властью. И «Стансы» Пушкина, и «Стансы» Есенина произвели в литературном окружении поэтов фактически одинаковый эффект. Их – каждого, конечно, в свое время – обвинили в открытой лести по отношению к существующей власти, не поверили в искренность поэтических программ. Так, в письме к Н. И. Бахтину от 17 апреля 1828 года П. А. Катенин писал: «О стансах С. П. <Саши Пушкина> скажу вам, что они как многие вещи в нем *плутовские*, то есть, что когда воеводы машут платками, коварный Еллин отыграется от либералов, перетолковав все на другой лад: вникните и вы согласитесь» [15, с. 114-115]. «Идеологический опекун» новокрестьянских поэтов А. Воронский в оценке есенинских «Стансов», как партийный функционер, был менее витиеват: «—Бансам” <Есенина> не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного, искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиром и фальшиво» [5, с. 306-307]. Реакция на все это и у Пушкина, и у Есенина опять же была, по сути дела, сходной. Пушкин пишет стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, друзья...»), а Есенин – стихотворение «1 Мая», начало которого воспринимается как парафраз пушкинского послания. Вряд ли стоит сомневаться в том, что Есенин вполне *сознательно* в своем своеобразном поэтическом «ответе» ориентируется на пушкинское послание. И здесь искренний порыв «последнего поэта деревни», «певца» и «глашатая» «деревянной Руси», кажется, может служить иллюстрацией известного выражения «наступить на горло собственной песне».

Несмотря на то, что изображенный мир «Стансов» О. Мандельштама разительно отличается от есенинского текста по целому ряду художественно значимых параметров, где особо обращает на себя внимание многослойная ассоциативная цепь образных решений, все-таки, на наш взгляд, родственность суждений в оценке этих произведений вполне допустима. Однако здесь же нельзя не признать того, что «Стансы» Мандельштама (2), в большей степени, нежели чем у Есенина, отражают в себе разномысленную противоречивость авторского сознания на пути признания большевистской власти как объективно ценного явления современности.

Так, жесткий, бескомпромиссный зачин «Стансов» – *«Я не хочу среди юношей тепличных // Разменивать последний грош души» (2)* – в следующих строчках контрастирует с как бы примеряемым на себя лирическим героем выдержанным «в духе времени» образом одиночника, вступающего в колхоз. Семантика твердо позиционируемой творческой независимости поэта сталкивается с семантикой принуждения, причем это принуждение явлено как осознанный выбор героя: *«Я в мир вхожу, и люди хороши» (2)*.

Контрастами подобного рода, возникающими посредством резкого смещения ассоциативных планов художественной мысли поэта, пронизано все лирическое повествование «Стансов». Вместе с тем, эти контрасты подчинены стержневому конфликтному решению «Стансов», с предельной четкостью обозначенному в тексте:

*«Я не хочу ... Разменивать последний грош души»
«Я должен жить, дыша и большевея» (2).*

Именно в этом диапазоне разнонаправленных, разнокачественных субъектных интенций *Я не хочу* и *Я должен*, прямо связанных с судьбоносным выбором поэта, располагается, образно говоря, как главный нерв «Стансов», так и всей поэзии О. Мандельштама воронежского периода творчества.

Схожую картину мы наблюдаем и у Есенина. Правда, она, в отличие от Мандельштама, складывается из нескольких произведений, тематически родственных есенинским «Стансам» и образующих цикл «маленьких поэм». Содержание этого цикла является в первую очередь свидетельством того, что поэт стремится дать новую оценку своей прожитой жизни, которая в то же время предстает и как оценка пути, пройденного страной. Целиком проникаясь этой историко-поэтической синхронностью, Есенин делает попытку отразить в своем творчестве новую жизненную реальность, где происходит, на наш взгляд, «выявление органического» между идеологическими заданиями современности, освященными именем Ленина и марксовым «Капиталом», и культурно-творческой и мифологической сущностью собственного «чувства Родины» [9, с. 84]. Невозможность существования такой органической связи и отзывается у Есенина в тех же «маленьких поэмах» признанием дуалистического характера своего житнетворчества: *Отдам всю душу октябрю и маю, // Но только*

лиры милой не отдам. («Русь советская», [7, с. 97]), перерастающего в симптоматичную рефлексию авторского «я»: *Живой души не перестроить век. // Нет! Никогда с собой я не полажу, // Себе, любимому, // Чужой я человек.* («Метель», [Там же, с. 148]). В данном плане показателен черновой вариант первой строфы «Метели»: *«Знать, потому // И с Марксом я не слажу, // Что он чужой мне, // Скучный человек»* [Там же, с. 242].

«Стансы» Мандельштама («Необходимо сердцу биться...») (3), пожалуй, имеют большее право считаться «пушкинскими»: тот же четырехстопный ямб, четырехстрочная строфика, частичное совпадение в рифменной фонике. Но самое главное – первая строфа, в которой угадывается парафраз начальных строк «Стансов» Пушкина:

Ср.: Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Необходимо сердцу биться:
Входить в поля, вращать в леса.
*Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса* (3).

Ирина Сурат в одной из своих недавних работ назвала эти «Стансы» «антипушкинскими», признав за поэтом апологию «вождя и его политики» и «борьбу с врагом» как призвания «поэтической музыки» Мандельштама [17]. Думается, что такой взгляд на последние «Стансы» поэта излишне тенденциозен в своей антисталинской риторике. Дабы избежать ненужной полемики, просто выскажем свои соображения в отношении тех, по сути дела пунктов обвинения, что сформулированы И. Сурат.

Кажется совершенно очевидным, что заглавным образом в этих «Стансах» является отнюдь не Сталин, а юная девушка, которая, в отличие от лирического героя, принадлежит к поколению новой, большевистской эпохи и органично существует в ней. А потому об этом «дитя высокой жажды» говорится с чувством легкой зависти, восхищения и некоторой тревоги за ее будущее:

Да, мне понятно превосходство
И сила женщины – её
Сознание, нежность и сиротство
К событиям рвутся в бытие.

Она и шутит величаво,
И говорит, прощая боль,
И голубая нитка славы
В ее волос пробралась смоль (3).

Элегический мотив, исподволь возникающий здесь, диалогичен пушкинским строкам из стихотворения «Вновь я посетил...», где звучит обращение к «племени младому». Финальные же строки «Стансов» – *«Чтоб ладилась моя работа // И крепла – на борьбу с врагом»* – являются словами пожелания прочно связанной с языковыми реалиями своего времени девушки, лишь субъектно присвоенными лирическим героем и в силу этого выбивающимися из общего стилистического рисунка текста.

Такое своеобразное заимствование, что осуществляет Мандельштам, дает о себе знать и в его первых «Стансах»: *«...должен... работать речь, не слушаясь, сам-друг», «И в голосе моем ... звучит земля... – сухая влажность черноземных га»* (2). Есть такие речевые явления и в есенинских «Стансах». Причем всегда характеризующие будущие темы «большевещего» поэта, они дают ироничный ответ на саму возможность такого творчества как идеологического заказа времени.

И еще, без комментария. Всем известно страстное увлечение Мандельштама итальянским языком. По свидетельству Ахматовой, поэт бредил «Данте, читая наизусть страницами» [1, с. 203]. А потому Мандельштам просто не мог не знать, что «стансы» с итальянского переводятся как «остановка», «покой»...

Разумеется, о более полной картине, отражающей судьбу пушкинских «Стансов» у Есенина и Мандельштама возможно говорить принимая во внимание более широкий спектр творческого присутствия Пушкина как в художественных мирах поэтов XX века, так и в культурной атмосфере нового времени [16]. Однако сделанные нами наблюдения, кажется, позволяют заключить, что «Стансы» Пушкина являются для Есенина и Мандельштама неким ключом к тайне гармоничного существования в великом предшественнике позиций поэта и гражданина. Вместе с тем, для них – это и ключ к самопознанию себя как поэтов «времен обманливых и глухих». И, быть может, не менее важно то, что Есенин и Мандельштам, преломляясь в пушкинских «Стансах» и в этом преломлении диссонировав с литературоведческими и окололитературоведческими трактовками личности и творчества Пушкина, мешают идеологической машине резко и быстро сделать Пушкина «своим», вылепить из него «нужный» образ.

Список литературы

1. Ахматова А. Листки из дневника: О Мандельштаме / введение, публ. и комм. В. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 178-217.
2. Благий Д. Д. Классовое самосознание Пушкина. Введение в социологию творчества Пушкина. М.: Всерос. союз поэтов, 1927. 70 с.

3. Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Худож. Литература, 1989-1990. Т. 1. 623 с.
4. Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. 1986. Т. XII. С. 305-323.
5. Воронский А. На разные темы: (О марксизме и плохих стихах) // Наши дни. М. – Л., 1925. № 5. С. 306-309.
6. Дынник В. Стансы // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. 577-1198 стб.
7. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7-ми т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 2. 464 с.
8. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 376 с.
9. Кудряшов И. В., Клевачкина О. А. Онегинские реминисценции в поэме Н. А. Клюева «Кремль» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4. Ч. 2. С. 82-84.
10. Лелевич Г. Пушкин в марксистском освещении // Литература. Вып. 1. Л.: АН СССР, 1931. С. 9-20.
11. М. Ш. [Штокмар М.] Стансы // Литературная энциклопедия: в 11-ти т. 1929-1939. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. 824 стб.
12. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2-х т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. 638 с.
13. Мирский Д. Проблема Пушкина // Литературное наследство. 1934. № 16-18. С. 91-112.
14. Михайлова Н. И. «Стансы» («В надежде славы и добра...»). Из наблюдений за текстом // Болдинские чтения-2002. Саранск, 2002. С. 93-95.
15. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину / со вступ. ст. и примеч. А. А. Чебышева. СПб., 1911. 247 с.
16. Сергиевский И. О некоторых вопросах изучения Пушкина // Литературное наследство. 1934. № 16-18. С. 113-134.
17. Сураг И. Мандельштам и Пушкин. Статья вторая. Лирические сюжеты [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/surat.html (дата обращения: 26.01.2014).
18. Швердин С. Н. Поэмы Пушкина // Поэмы Пушкина. М.: ГИХЛ, 1936. С. 3-19.
19. Якубович Д. П. Еще о дневнике Пушкина (Ответ Б. В. Казанскому) // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. 1936. Вып. I. С. 283-291.

STANZAS AS A DIALOGUE WITH THE AUTHORITIES: PUSHKIN, YESENIN, MANDELSTAM

Pyatkin Sergei Nikolaevich, Doctor in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
nikolas_pyat@mail.ru

The article examines the destiny of Pushkin's "Stanzas" ("In the Hope of Glory and Kindness...", 1826) in the creative activities of the poets of the XX century – S. A. Yesenin and O. E. Mandelstam. The author pays special attention to the specifics of ideological and artistic relations of the modern works with the text of the poet-predecessor representing the lyrical genre of stanzas as a form of poetical dialogue uniting the masters of the pen and ideologists of the authorities in power.

Key words and phrases: stanzas; poetical dialogue; interpretation; historical reality; ideology.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Природа в творчестве М. Ю. Лермонтова занимает значимое место, в лермонтовской лирике она живет и действует наравне с человеком, являясь не только фоном, на котором разворачиваются лирические события, но и самостоятельным, мыслящим и чувствующим «героем». Выглядит это так естественно, что иной вариант, кажется, был бы для М. Ю. Лермонтова невозможен, ибо он тонко чувствовал свое родство с нею и даже называл себя сыном стихий.

Ключевые слова и фразы: М. Ю. Лермонтов; русская поэзия; философия природы; пейзажная лирика; патриотизм; психологизм; символика.

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна, к. пед. н.
Рязанский филиал Московского психолого-социального университета
Rapsod@list.ru

«СЫН ДУБРОВ» ИЛИ СЫН ЗВЕЗДЫ? ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА[©]

Родство с природой нашло отражение в описании собственно картин природы, в символических картинах и в тонких психологических параллелях между миром человека и миром природы, когда душевное состояние лирического героя соотносится с пейзажными зарисовками, характером местности и т.д. Следует отметить, что яркое образное видение связано не только с даром художественного слова, но и собственно с талантом живописца. Известно, что в начале своего творческого пути М. Ю. Лермонтов колебался, какое